

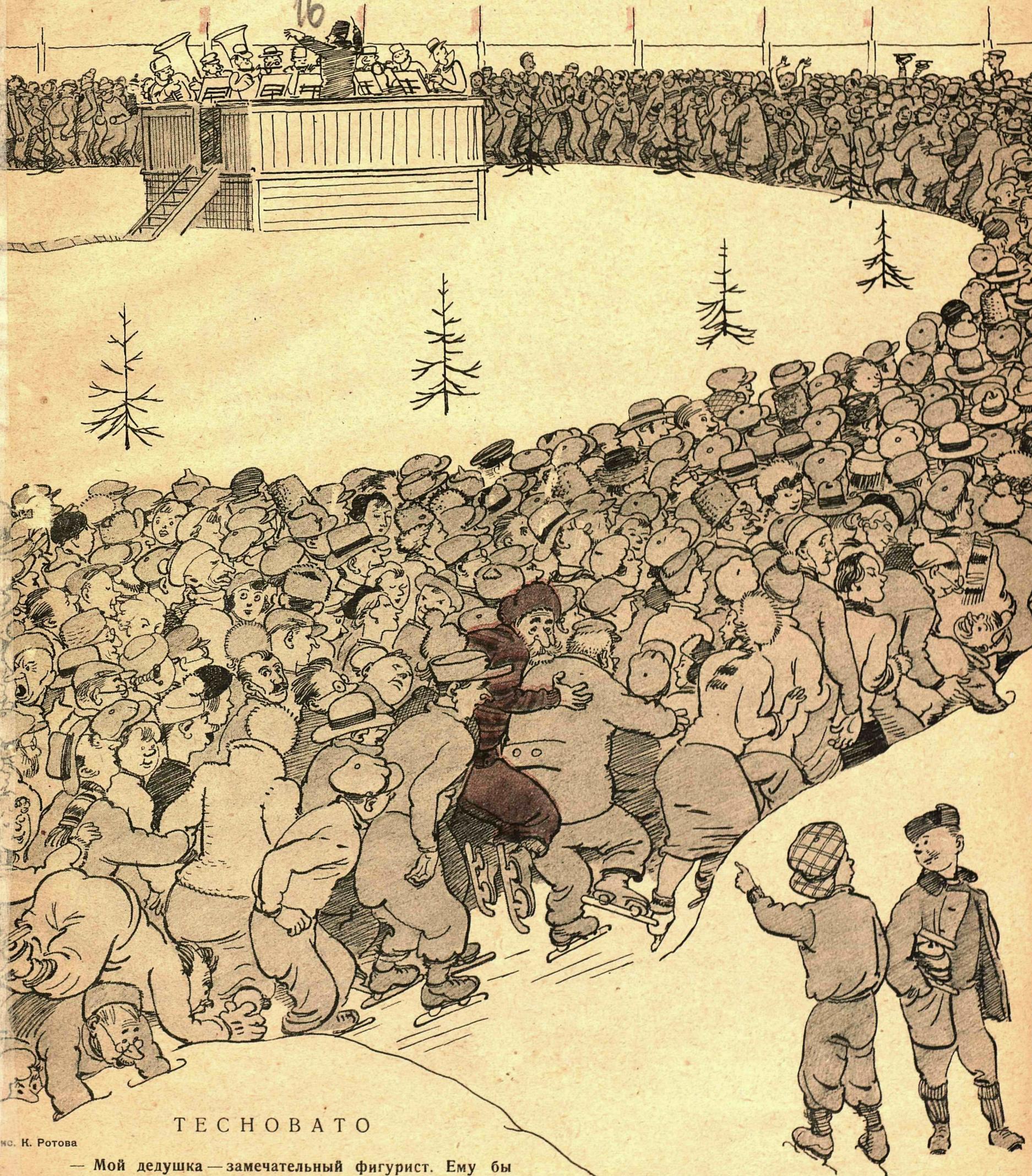
КРОКОДИЛ

№ 35-36 ДЕКАБРЬ *к 576*

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1937

16

ТЕШОВАТО

рис. К. Ротва

— Мой дедушка — замечательный фигурист. Ему бы только достать ногами до льда!..

К.Р.37.

НОВОГОДНЯЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

НА МОТИВ ШОТЛАНДСКОЙ ЗАСТОЛЬНОЙ ПЕСНИ БЕТХОВЕНА

Начнем,
Застольную песню споем,
Стаканы наполнив вином,
Пускай запекает,
Ничуть не стесняясь,
Любой,
А мы подхватим дружно,
Лишь только станет нужно.
Пускай не для оперы голос,
Зато молодцы хоть куда.

Сперва
Выпьем за тех,
Кто в пути,
На льдине дрейфует вдали
От родины нашей,
От светлых ее берегов.
За тех, чья мысль и воля
Открыли путь на полюс,
Выпьем за тех,
Чей пропеллер
Над Арктикой нашей гудит.

Еще
Выпьем за наших детей,
Юношей и малышей,
За школьников наших,
За красные галстуки их.

За русских, черноголовых,
За крепышей здоровых.
Выпьем за тех, кто сегодня
Гуляет еще под столом.

Вон тот
Что-то совсем не поет,
Разве кручина гнетет?
А ну-ка, соседка,
Возьми-ка его на буксир.
Ну вот, теперь в порядке:
Пустился в пляс, в присядку.
Ну кто его нынче узнает?
Ну, право, совсем весельчак!

Друзья,
Нынче за нашим столом
Шутим, смеемся и пьем,
А завтра, быть может,
Раз'едемся мы далеко:
В Кузбасс, на Украину,
На сев и на путину,
На шахты, заводы, в колхозы
Великой Советской страны.

Еще
Выпьем за наших друзей —
Честных советских людей:
Домашних хозяек

И славных героев труда,
Ученых и комбайнеров,
Доярок и актеров,
Философов и счетоводов,
Литейщиков и рыбаков.

Потом
Здесь, за обильным столом,
Годы нужды вспомним,
Грозные годы
Великой гражданской войны.
Наш тост за красноармейцев
И старых красногвардейцев,
За маршалов и комиссаров,
За всех командиров наш тост!

Теперь
Встанем и выпьем дружной
За то, что нам жизни милей,
За родину нашу,
За наших любимых вождей.
Пусть грядет тост могучий,
Веселый и кипучий
Тост наш
За партию нашу,
За наших любимых вождей.

И. БУШУЕВ

О С И Н О В Ы Й К О Л

Пожилой литератор Несергеев в двенадцать часов ночи ворвался к менее пожилому литератору Эскиванову.

— Голубчик! Выручай! К завтраму надо сдать новогодний рассказ, а я как дурак сидел с утра и до сих пор ни строчки не написал. Дай темку! Дай мне темку, я ее немедленно раздраконю строк на двести пятьдесят — триста.

— Садись, — мрачно сказал литератор менее пожилой и придвинул товарищу кресло. — Я должен тебе сообщить, — продолжал он таинственно, — что я в таком же дурацком положении, как и ты. Второй день бьюсь над рассказом и вот, кроме этих двух зачеркнутых фраз, ничего не нацарапал.

Несергеев нагнулся к столу и прочел: «Звените, бокалы. Налейте бокалы. Мороз крепчал, под ногами скрипел снег. И все это действительно было зачеркнуто.

— Правильно зачеркнул, — похвалил пожилой литератор. — Нельзя уже писать: «Мороз крепчал». И «Налейте бокалы» — тоже пошло.

— Потому-то я и зачеркнул, я же чувствовал, — горячо произнес Эскиванов.

— Беда с темами, беда, — вздохнул пожилой литератор и глубоко затянулся папироской. — А какие были чудесные новогодние темы! Пальчики оближешь. Взять хотя бы этого замерзающего мальчика. Сколько там можно было навернуть ситуаций. Этот мальчик мог замерзнуть, а мог и не замерзнуть.

— Темка что надо... В годы нэпа я еще описывал этого симпатичного хлопчика, а сейчас где ты его возьмешь? — признался непожилой литератор.

— Уходит молодость, а вместе с молодостью — темы, — изрек гость (он любил говорить иногда значительно и мудро). — Сколько тем погибло в волнах революции (он также любил иногда говорить образно). Уже теперь не напишешь о молодом человеке, спасающем проститутку. А какая тема! Как это было заманчиво! «Поздно ночью, — продолжал пожилой литератор, словно перед ним сидел не его брат писатель, а ма-

шинистка, — студент Вася возвращался с последнего урока. Он готовил оболтуса-гимназиста, сынка купчика Мукомолова, к экзамену. Город спал. Василий услышал раздражающий душу крик. В воротах дома-колодца стояла молодая женщина, и т. д., и т. д., и т. д.», — вдохновенно закончил Несергеев.

— А то можно и так, — сказал Эскиванов. — «Поздно ночью Василий возвращался с урока. Его остановила молодая, накрашенная женщина. Кривая накрашенный рот, она сказала и т. д., и т. д.», — так же вдохновенно закончил он.

— А над концом не приходилось ломать голову. Пожалуйста, вот тебе конец, — и Несергеев легко и плавно «диктовал»: — «В уютной, чистенькой комнатке с занавесками мягко стучала швейная машинка. Василий, теребя волосы, готовился к последнему зачету. Солнечные зайчики прыгали...» А если дело происходило ночью, то «лунные блики». Одним словом, что-нибудь из природы. Это уже легко. — И пожилой литератор мечтательно замолк.

— А вот эту темку, — нарушил тишину Эскиванов, — «Неравный брак». Он ее любит, и она его любит. А его родители против, или ее родители против. Богатейшая тема. Золотые россыпи. Ромео и Джульета. Но теперь уже об этом не напишешь: родителей никто не спрашивает. Да и родители рады, что их не спрашивают.

— А эта... — вновь оживился пожилой литератор. — Как юноша или, скажем, девица приезжает в большой город-спрут. Город засасывает... В два месяца можно было роман накатать. И какой роман!.. Но исчез город-спрут. И юноша или девица приезжают в столицу по командировке, поступают в университет, и никто их и не думает засасывать.

— А незаконнорожденный сын? — начал Эскиванов.

— Что незаконнорожденный сын? — удивился пожилой литератор.

— Как что? Это же не тема, а Клондайк. Отец его не признает, под новый год, в мороз, незаконнорожденный стоит под окном, а в доме у отца веселье. Пир. Елка. Поросенок

УДОБНЫЕ ПРАВИЛА

Рис. Л. Бродаты

— Почему ж вы не хватаете этого фашиста? Ведь он перешагнул на французскую территорию.
— По правилам нашей французской борьбы, за ноги хватать нельзя.

с кашей. А незаконнорожденный голодный. И еще через год сын опять у окна. Опять новый год. И в поздний час незаконнорожденный лезет в квартиру. И в тот момент, когда сын поднял фомку, отец его узнает. Раскаяние, и т. д., и т. д. Отец усыновляет сына, а можно, что и не усыновляет. Какая тема!..

Приятели долго еще сидели, курили и перебирали сюжеты, которые в нашей стране давным-давно отмерли. Тут была тема и о старой деве, и тема о монахе, и рассказ о горничной, на которой, в конце концов, все же женится благородный молодой барин, после того как он ее соблазнил, и т. д., и т. д.

На рассвете пожилой литератор распрощался с менее пожилым литератором.

— Ну что же,— сказал он на прощанье.— Нам труднее писать. Нам нужны новые сюжеты, сегодняшние. Но зато как приятно,— произнес он искренно,— что революция вбила осинный кол (он иногда любил говорить образно) в могилу всех этих затхлых, заплесневелых тем.

Но все же и пожилой литератор и менее пожилой написали по новомуднему рассказу. «Налейте бокалы»,— начинался рассказ Эскиванова. «Звените, бокалы»,— начинался рассказ Нессереева. В обоих произведениях «крепчал мороз» и «под ногами скрипел снег».

Н. КОРОБКОВ

Нынче с новогодними рассказами прямо беда. Между прочим, буквально становишься втупик: об чем писать?

С одной стороны, население культурно выросло: гаданьем не занимается и святочных поверий не признает.

С другой стороны, с елками все обстоит благополучно. Елки дешевы. Игрушек много. Елочные свечи, до того дошло, — даже в аптеках продают.

Окорок, или, говоря более научно, ветчину, тоже без труда можно купить.

Так что, откровенно сказать, в этом сезоне под новый год сатирику прямо делать нечего.

Позвольте уж, дорогие читатели, без всяких художественных затей поздравить вас с новым годом и позвольте на этот раз рассказать вам обыкновенную фактическую историю.

А поскольку вы прочтете ее на новый год или скорее всего в первой половине января, то она может до некоторой степени сойти за святочный рассказ.

В общем, один поп был, представьте себе, приглашен на похороны.

Тут скончалась одна старушка. И поскольку она придерживались религии и поскольку родственники ее отличались тем же самым, то вот и решено было устроить старухе соответствующее захоронение.

И вот приглашенный поп явился в назначенный час на квартиру, облачился в парчевую ризу и приступил к исполнению своих прямых обязанностей.

Только вдруг родственники с неудовольствием замечают, что батюшка несколько не в себе: он немножко качается на ногах.

Родственники ему говорят:

— То, что вы под мухой, — это нас прямо удивляет и прямо оскорбляет все наши чувства.

Батюшка говорит:

— Нет, что вы? Я ни в одном глазу. Но меня сегодня действительно что-то покачивает. Наверно, я проголодался. Нет ли у вас чего-нибудь подзаправиться?

Сразу батюшку повели на кухню, дали ему еды.

Подзаправившись, он снова приступил к работе. Но качка у него продолжалась не в меньшей степени.

Но поскольку он уравнивал эту качку помахиваньем кадила, то все сходило более-менее удовлетворительно. Хотя религиозное настроение у родственников было все-таки сорвано.

Наконец, усопшую понесли по лестнице, чтоб водрузить на колесницу.

Батя, как ему полагалось, шел впереди.

Вдруг родственники не без ужаса слышат, что вместо «со святыми упокой» батюшка затянул что-то несообразное.

И вдруг все замечают, что он поет песню:

«Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка темная была.
Одна возлюбленная пара
Всю ночь сидела до утра...»

Родственники просто ошолбенели, когда услышали эти слова.

Один из родственников, бывший камердинер, подходит к священнику и говорит ему:

— Ну, знаете, это слишком — арии петь. Мы вас пригласили, чтобы вы нам спели что-нибудь подходящее к захороне-

нию усопшей, а вы пустились на такое паскудство. Ну-ка, дыхните на меня.

Дыхнув на камердинера, поп сказал:

— Когда я выпивши, я почему-то завсегда сворачиваю на эту песню. Усопшей это безразлично, а что касается родственников, то мне наплевать на них.

Бывший камердинер говорит:

— В другое время мы бы вас выслушали с интересом, поскольку песня действительно хороша, и я даже хочу записать ее слова, но в настоящий момент это с вашей стороны просто нахальство — петь.

Тут среди родственников начались крики. Раздались возгласы:

— Позовите милиционера.

Во дворе собралась публика. Дворник, подойдя к воротам, дал тревожный свисток.

Вот приходит милиционер. Родственники говорят ему:

— Вот поглядите, какого попа мы пригласили. Что вы скажете?

Милиционер говорит:

— Все-таки этот служитель культа еще владеет собой. Вот если б он у вас падал, то я бы отвел его в отделение. Но он еще держится и только не то поет. Пущай он хоть на голове ходит и «чижика» поет — милиции это безразлично.

Родственники говорят:

— Что же нам делать?

Батюшка говорит:

— Что вы, ей-богу, скандал устраиваете! Осталось пройти сорок шагов, и как-нибудь с божьей помощью я дойду.

Бывший камердинер говорит:

— Но если вы опять начнете петь, то я вам чем-нибудь глотку заткну. Вы прямо прохвост, а не поп.

Вот процессия двинулась дальше. И батюшка владел собой хорошо. Но когда гроб устанавливали на колесницу, батюшка снова запел:

«Ах, не одна трава помята...»

Тут камердинер, совсем озверев, хотел кинуться на него, но родственники удержали, а то получилось бы вовсе безобразно.

В общем, батюшка, рассердившись на всех, ушел. И колесница благополучно тронулась в путь.

Этот до некоторой степени святочный рассказ мы рассказали вам без единого слова выдумки. В чем и подписуемся.

Мих. Зоценко

У Е Л К И Н А Г Р А Н И Ц Е

Рис. М. Черемных

ПОГРАНИЧНИК: — Вам повезло, господин шпион! В 1938 году вы первый на нашем участке!..

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

НЕУВЯЗКА

Восемнадцатилетняя Марфа вернулась после новогодней встречи в клубе домой.

— А почему ж не погадать? — сказала сама себе Марфа. — Очень просто — погадаю. Зеркало есть. Поставлю свечу... Если уж я комбайнерка, так и не погадай...

Придвинув электрическую лампу, долго смотрела в зеркало, но ничего, кроме себя, не увидела. Вздохнула:

— Хорошо это было жуковской Светлане гадать. А у нас теперь и свечи нигде не доберешься. Разве это свеча? Полу-ваттная лампа в сто свечей... Ясно, со ста свечей никакого гаданья получиться не может!..

ЦЕННОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

— Все вы молодые, веселые... Разрешите и мне, старику, сказать свой новогодний тост, заняться, так сказать, воспоминаниями.

Гости слегка нахмурились и посмотрели на этого лысого старика с семью бровями.

— Я буду краток... Ничего не могу сказать. Я вот старик, но я нужен новому обществу. Я бы мог уйти на пенсию, но я не хочу. Зачем, если есть еще силы.

— Теперь, дедушка, старикам почет! — крикнул внук, студент Вася.

— Правильно, Васенька, правильно. Но вот есть старые штуки, которые теперь никому ненужны. Вот, например, взять новогодние визиты.

— Визиты? — повторил Вася.

— Да, да, визиты... Ведь с утра надеваешь фрак...

Старик выпрямился и, растопырив пальцы, поднял левую руку:

— Надеваешь лайковые перчатки.

Вася слушал все внимательнее:

— А что они, дедушка, из лайки были?

— Не знаю, из чего они были, но рука в них как молоком облитая.

Старик широко развел локти:

— Расправишь фалды у фрака. Правой перчаткой бьешь по левой руке... Ну, а кому теперь нужен этот новогодний фрак, старомодные лайковые перчатки?.. Валяются у меня и

фрак и перчатки... Помните, у Беранже: «Мой старый фрак, мой старый фрак...»

— Дедушка, — спросил Вася, — а он очень старый, этот фрак?

— А тебе не все равно?.. Фрак целехонький, хотя и старый.

— Так это ж очень ценное воспоминание! — воскликнул Вася. — Этот самый фрак с этими фалдами оторвут. Он же до-зарезу нужен. И перчатки... Вот объявление. Киностудия покупает фраки, лайковые перчатки... Дедушка, продадим! И искусству послужим, а я вместо фрака чу-удесную гот-вальню приобрету!..

Д Е Н Ь

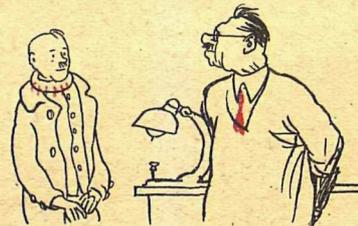
В амбулатории доктор Пирожков принимал от 9 до 11. Увидев больного Семукова, доктор начал записывать его имя, фамилию, год рождения, место службы.

— Дак вы что ж, уважаемый, — вдруг сердито крикнул доктор Пирожков, — сидите, не раздеваетесь?! Скорее скидывайте свои рубашки! И куда столько пуговиц нашиваете?! Точно кочан капусты, семьдесят семь застежек!.. Холодно? Ничего, ничего...

«Прямо зверь, а не доктор, — подумал Семуков, — пойду-ка я лучше в платную лечебницу. Шут с ними, с двумя рублями!».

В платной лечебнице доктор Пирожков принимал от 2 до 4. Увидев Пирожкова, Семуков сперва попятился, но потом положил свой истрепанный номерок на стол.

— Та-ак, — сказал доктор, — раздевайтесь. Так кутаться не надо, столько рубашек. Нервный вы, как торопитесь раздеваться... По нервам вам бы надо еще полечиться. Если хотите, можете зайти ко мне надом. Сегодня среда. Как раз принимаю. От 7 до 9.

«Ничего, — подумал Семуков, — серьезный доктор. И с чего он мне зверем показался?»

В 7 часов доктор Пирожков встретил на пороге своего кабинета Семукова:

— А, старый знакомый! Вот садитесь сюда, поближе к камину. Погодите, я вам помогу снять рубашку. А пуговиц ско-тько! Красивый рисунок. И все перламутровые... Не больно? Простите...

В конце осмотра добавил, приняв деньги:

— День тяжелый! К вечеру разнервничаетесь сам и бы-ваешь резок с больным. Вы уж извините, если я сейчас...

— Что вы, что вы! Наоборот! Да вы ж к вечеру, доктор, прямо душа-человек! — воскликнул Семуков.

СТРАХ

Нянька сидит у кровати.

— Ну, спи, спи, Васенька!.. Господи, какой неумный ребенок! Вот погоди, придет баба-яга костяная нога...

— Няня! Из какой кости у нее нога? Может, из мамонтовой? Вот папа говорил, что нашли целое кладбище мамонтов. Ох, поди, из них сколько костяных ног можно поделать?!

— Ну, что это, право, за ребенок? — вздыхает нянька. — На сон глядя, кладбища какие-то поминает... Ну, спи, спи, Васенька. А если спать не будешь...

— Так чего будет?

— А вот то и будет, что придет трубочист да и заберет тебя.

— Не придет он.

— А вот придет. Страшный он такой, зубы белые, а сам черный...

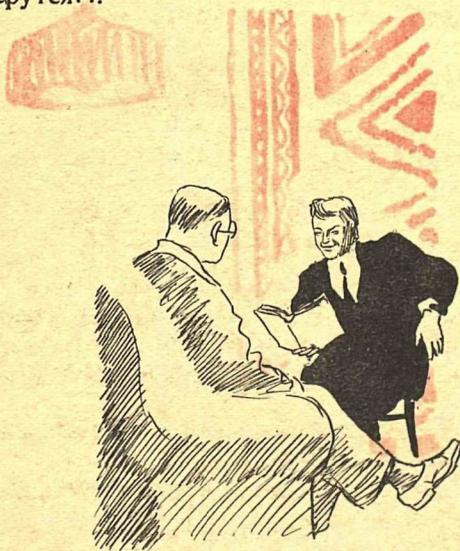
— Не придет он, нянька.

— Придет. Не сегодня, так завтра придет. Я ему все об тебе обскажу. Придет трубы в печах чистить с рогожкой, с гирькой, а я...

— Не придет. У нас же паровое отопление, без печей которое...

Нянька всплескивает руками.

— Ну что это за ребенок! Откуда только они такие страшные берутся?!

КЛАССИЧЕСКАЯ ПОПРАВКА

Толковали на пороге нового года о прошедших и будущих годах.

— Да... — сказал один из гостей. — А вот у Лермонтова написано: «А годы проходят, все лучшие годы...»

— Ну, это ерунда! — возразил хозяин. — Не может этого быть у Лермонтова! Я знаю. У меня Лермонтов есть. Новехонький! У Лермонтова сказано: «А годы приходят, все лучшие годы...» Я знаю. И правильно!.. С каждым годом жизнь у нас будет лучше и лучше. Вот поэт и отметил, что-де... а годы приходят, все лучшие годы.

— Да не приходят, а проходят!

— Приходят!

— Нет, проходят!

Хозяин принес Лермонтова, отыскал «И скучно и грустно» и весело воскликнул:

— Видите: «приходят»!..

— Действительно... Странно.

— Ничего странного нет! Умнеющий поэт!

Заглянул в «Замеченные опечатки». Там было написано, что в слове «приходят» вместо «и» надо читать «о».

— И не желаю так читать! — сказал хозяин.

Гость помолчал, добавил:

— Действительно... «А годы приходят, все лучшие годы...» Как вспомню я свое детство...

— Да что толковать!.. Ясно — «приходят»!

И хозяин и гость пожали друг другу руки.

И М Я

Марья Ивановна, директор одной из фабрик, вышла после полуночи из-за новогоднего стола на улицу. В голове приятно шумело. Марья Ивановна думала:

«Вот я директор. Руководжу фабрикой. По-моему, неплохо. Рабочие меня уважают, знают...»

Захотелось пошутить. Увидев прохожего, Марья Ивановна крикнула:

— Товарищ! Как ваше имя?

— Имя? Зачем вам мое имя?

— Да так. Сегодня ж новогодняя ночь — гадают на имена встречных.

— Ах, гадают! Ну вот и вы отгадайте, товарищ директор. Работаю я в закройном цехе. Старый стахановец. Норму выполнил на 450%.

— Кузнецов Алексей?

— Нет, не отгадали. Кузнецов Алексей уж давно на «Красной звезде» работает... Много раз я премирован...

— Лыткин? — неуверенно спросила Марья Ивановна. — Позабыла его имя...

— И знать не надо. Лыткин Сергей Павлович выдвинут от нас.

— Кто же? Сапогов Петр?

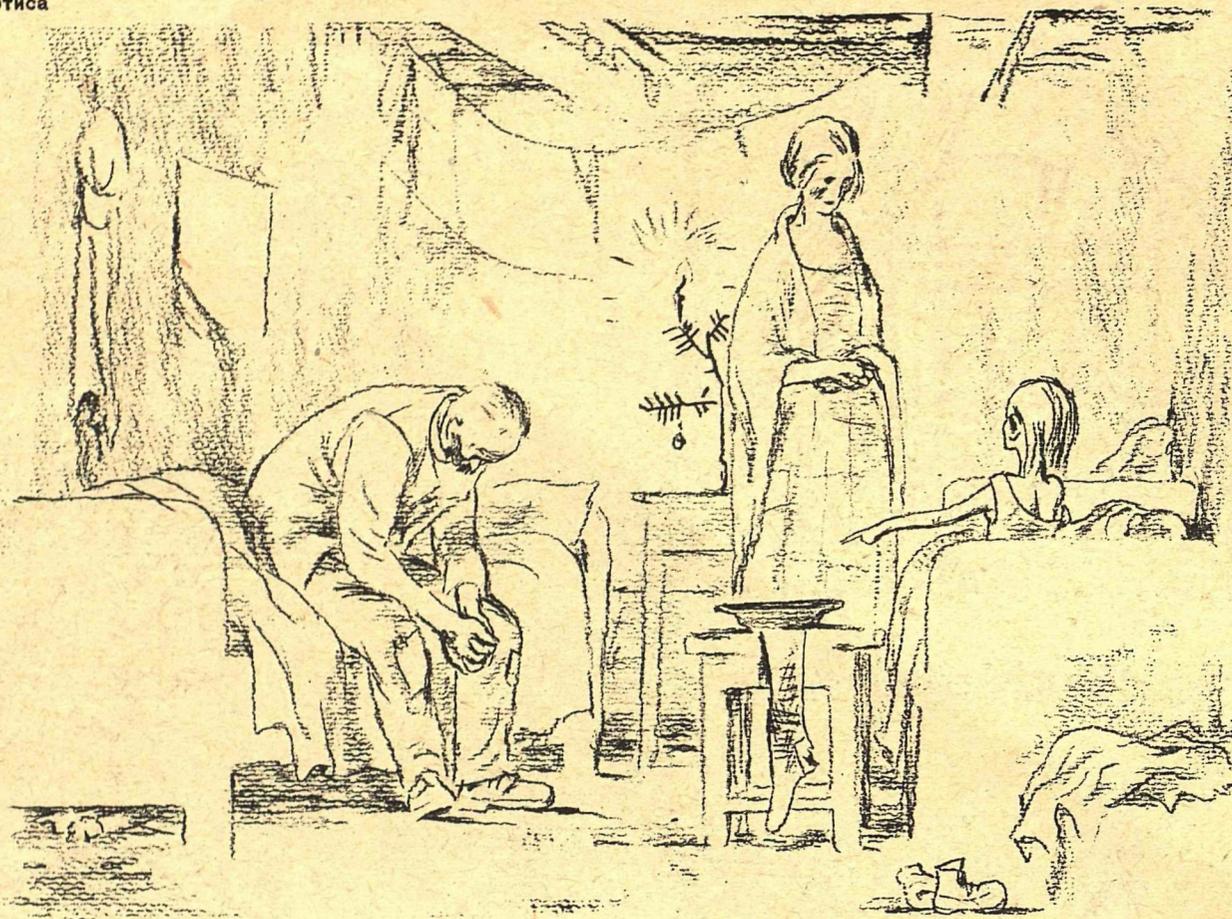
— Нет, не Петр... Не знаете, потому не отгадали...

И прохожий скрылся за углом.

В. ТОБОЛЯКОВ

Иллюстрации И. Семенова

Рис. Л. Сойфертиса

— Мамошка, пусть дед-мороз ничего не кладет мне в чулочек, пусть он лучше положит чего-нибудь с'естного на тарелку...

Р Е М Б Р А Н Д Т

Художник Семиреченский получил задание—написать портрет стахановца-сталевара Кузьмы Ивановича Ромашко. В проходной завода, за окошечком, где художнику выписывали пропуск, дежурные переговаривались:

- Кого им?
- Да вот Ромашку спрашивают...
- Кузьму?
- Ага!
- А разве Кузя в этой смене?
- В этой...

Кузя, он же Кузьма Иванович, молодой человек, в брезентовой шляпе и синих, вскинутых на лоб окулярах, прохаживался вдоль печей. В печах бушевало пламя, и зарницы отсвечивались на кирпичных стенах цеха.

— Кузьма Иванович Ромашко? — церемонно спросил художник, протягивая руку для пожатия.

— Да, я Кузьма Ромашко, — ответил сталевар, посмотрел на свою черную ладонь и, улыбнувшись, кивнул художнику головой. — Портрет? Ну что ж, если надо, пожалуйста. Я не отказываюсь... Заходите вечером ко мне домой, пожалуйста!..

И он зашагал вдоль своих печей.

Художник Семиреченский, проходя по прокатному цеху, смотрел, как толстые раскаленные бруски металла худели и вытягивались в жестких лапах машины, как по широким каменным плитам бежали, извиваясь, золотистые змеи и ловкие руки в рукавицах хватали их длиннопальными щипцами; змеи описывали блестящий круг, и машина глотала их как макароны...

— Феерично! — восклицал художник. — Феерично!..

— Эй, берегись! — неожиданно услышал он. — Эй-эй, смотри, ужалит!..

Длинная огненная змея подбиралась к нему. Художник отпрянул в сторону. В тот же миг сверху, из-под самых сводов, женский голос зычно выкрикнул:

— Очумел ты, что ли? Голову убери, голову, тебе говорят, леший!

Прямо на него, вровень с головой, двигалась, свисая на цепи, тяжеловесная болванка.

Пригнувшись, художник понесся куда-то наискось и вдруг увидел, что у него дымятся калоши...

Вечером художник Семиреченский пришел на квартиру к Ромашко.

— Ну и денек у меня сегодня, тов. Ромашко! — говорил художник, усаживаясь в кресло. — Представьте, после того как вы отошли к доменным печкам, я...

— К мартенам, — мягко поправил сталевар, — сталь плавится в мартенах...

— Да что вы? Ну так вот, попадаю я в какой-то цех, и вдруг на меня ползут эти раскаленные удавы...

— А может, вы сами на них напоролесь?

— Я? На них? Ничего, представьте, не помню, насилу спасся. Бегу, а на меня из-под крыши какой-то предметик валится, пудов этак на двадцать...

— А, вот вы о чем, — улыбнулся сталевар, — никакой предметик с крыши не валился. Это ж кран работал!

— Кран... грузы... вы меня извините, — развел руками художник, — для меня вся эта индустриальная премудрость, ну как для вас, скажем, Рембрандт..

— Почему же? — заметил Ромашко. — Я Рембрандта знаю, не раз в Эрмитаже бывал, очень ценю этого замечательного голландца. Я даже рецензию писал в заводской газете о выставке картин Рембрандта. И о Серове писал...

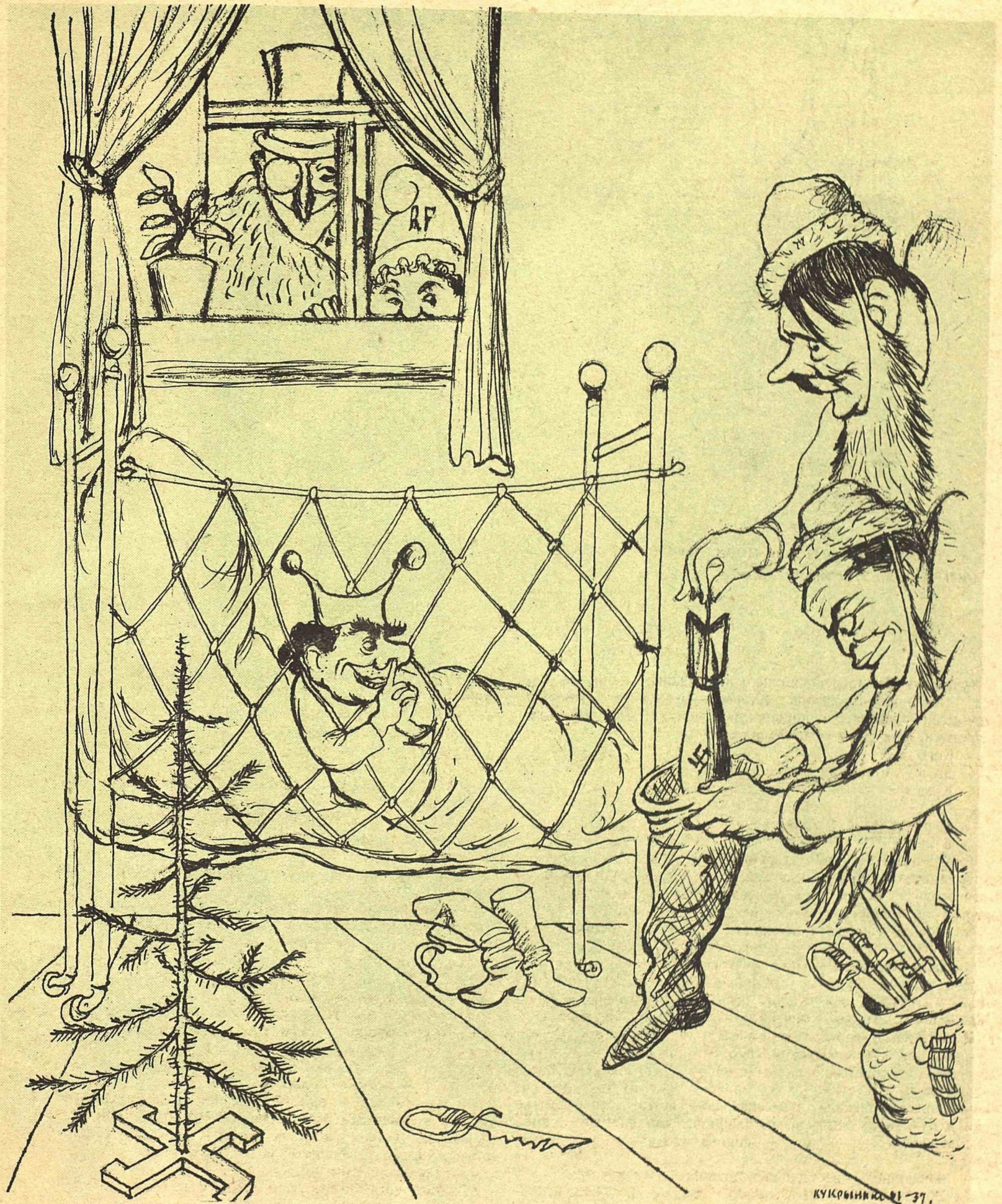
— Вы разве тоже художник?

— Нет, но я интересуюсь искусством. И литературой. Стихи очень люблю, только, конечно, не такие, где поэт смешивает резец со стамеской и подъемный кран — с водопроводным...

Л. МИТНИЦКИЙ

ДОБРЫЕ ДЕДЫ, ДЯДИ И ТЕТИ

Рис. Кукрыниксы

ФРАНКО: — Я эти подарки каждый день получаю... Вы бы мне Мадрид дали!..

ПИСЬМА К БАБУШКЕ, ИЛИ СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ ЮРИКА ЗВЯГИНА

I

Дорогая бабушка! Я тебе редко пишу. Почему? Потому что я еще не умею быстро писать. Я думаю скорее, а пишу медленнее и даже забываю вставлять разные буквы в слова, потому что я уже давно это слово придумал, а сам думаю дальше, а его еще надо писать.

А теперь я буду писать часто, потому что у нас тут есть одна жиличка, тетя Валя, так она обещалась все записывать, что я тебе, бабушка, буду писать, то есть говорить. И она обещала своих слов не вставлять, а только выставлять их, что я говорю ненужные.

Бабушка, а у нас теперь каникулы, и в школу не ходит, а на елки ходит. И будет елка для детей, где папа служит на заводе, и потом отдельно, — где мама служит в конторе. И отдельно — у нас в школе. И еще, наверное, будут елки у кого-нибудь: не где служит, а у ребят. От этого мне будет весело, и сейчас уже весело. Я думаю про эти елки, и все время хочется пойти уши вымыть, как будто я сейчас пойду в театр, и немного чешется в животе. Мама про это говорит, что я волнуюсь.

А я вчера разбил графин, а он не разбился. Стала только одна маленькая трещинка, но она не внизу, так что можно наливать очень много воды. Только когда наливаешь в стакан, немного из оттуда капает. Целую тебя, бабушка, мама кланяется тебе, а папы еще нет дома.

Юрик

II

Бабушка, здравствуй! Ну вот я уже был на одной елке, — где папа служит. Елка была хорошая, очень высокая, и дед-мороз выше меня ростом. Что я говорю: выше меня? Он даже выше тебя. И даже представляли куклы из такого ящика: волк, лиса, журавль и заяц. А заяц был хитрый, а волк хотел зажить у зайца избу, а заяц хитрый, а ему все звери помогли и волка выгнали. Прямо настоящий пестакль был, как в театре.

Только потом двум мальчикам и одной девочке не хватило мешочков с конфетами и мандаринами. И они плакали. А глядя на них, еще разные дети стали плакать. Я не плакал, но мне стало скучно, и я стал думать разные вещи, как я думаю, когда ложусь спать. Например я думал: из чего у живых, правдашных собак сделаны носы? Из кожи или из клеенки? Если из клеенки, почему носы такие шершавые? А если из кожи, — почему так блестят?

Дома у нас все ничего. Во дворе горка у нас раньше была фиговая, а теперь ничего, можно кататься. Папа тебе кланяется, а мама не кланяется ее нету дома.

Юрик

III

Ну, вот была еще одна елка, — где мама служит. Елка была выше, чем на папиной службе, а дед-мороз — поменьше. Подарков хватило на всех, даже по три, по четыре мешочка давали. Двух девочек и одного мальчика тошнило: они об'елись: они взяли себе много мешочков и все с'ели. А я не об'елся, потому что у меня мама отняла два мешочка и сказала, что это я с'ем дома. И я, верно, уже все с'ел. Только папе и маме дал по мандарину и тете Вале за то, что она мне пишет, что я пишу тебе. Бабушка, а горка во дворе подтаяла и опять стала фиговая. Ну, пока.

Юрик

IV

Бабушка, я тебе прошлый не написал, что тебе кланяются папа и мама, а они кланялись. И сегодня они кланяются, я уж лучше сразу скажу, а то потом забудешь.

Бабушка, я был на елке в школе у нас. Елка была хорошая. Деда-мороза почти не было: один наш ученик из 8-го класса оделся было, как дед-мороз, но сейчас же снял с себя все и пришел смотреть концерт. А концерт делали не артисты, а тоже наши ребята. Из нашего класса Витя Потапов читал стихи. Только он сбился. Там надо было сказать:

«И правят там не мандарины, а кули...»

А Витя забыл, кто не правит. Только помнил, что что-то вкусное — мандарины. И Витя сказал:

«Там правят не шоколады, а кули!..»

Нам это так понравилось, что нас просили быть потише.

Подарки были, но никого не тошнило.

Бабушка, тебе кланяются папа и мама. Хотя они уже кланялись вначале. Горка на дворе поправилась. Я ничего не разбил и не сломал уже очень давно.

Юрик

V

Бабушка, я опять был на елке. И не в школе, и не у ребят, а на посторонней елке. У папиной тети есть дочка, она давно уже тетя сама, но детей у нее нет. А на службе у нее тоже была елка, так эта тетина тетя взяла меня туда, чтобы елка зря не пропала. Я уже забыл, какая елка где была выше. Но в общем у тетиной тети на службе елка тоже была на «ять». И дед-мороз — на «ять». И подарки. Ребята на этой елке не ссорились, а поссорились большие. Потому что там подарки были не мандарины, а игрушки (мне дали парашют в коробочке и книгу про Буденного). А когда их давали, игрушки, то одна мама стала ссориться. У этой мамы ребенок был маленький, он почти не умеет ходить, и ему дали

погремушку. А мама стала требовать, чтобы ей дали не погремушку, а хоть самокат, потому что он на подшипниках-шариках. И кричала, что погремушка — это гроши, а самокат — не гроши. Такая дура! Погремушка — это погремушка, а гроши — еще неизвестно, что такое. Кричала эта мама, пока ее ребенок тоже не заплакал, а потом она сама заплакала, и еще две тети заплакали, которые выдавали игрушки и которым эта мама сказала, что они хотят зажить самокат.

А ребята все смеялись, когда три таких больших тети плакали и ругались. Один мальчик все время кричал на них: «Куси, куси!»

Домой пришли поздно. Я дома тоже плакал, не помню уже — чего. Мама говорила, что от усталости. Ну пока, бабушка.

Юрик

VI

Бабушка, а я опять был на елке, честное слово. У Танечки Вириной — это у нас в доме. Елка была меньше, чем на службе у тетиной тети — тети Кати. А другие елки я уже позабыл.

Дед-мороз был маленький; он висел на самой елке. Подарки были опять из еды: из сладкого. А интересного было только то, что подрались. Сейчас скажу, кто с кем.

Это уже после елки. Стали играть в войну. И никто не хотел быть фашистом. И японцем никто не хотел быть. Я тоже сразу сказал:

— Я не японец, я русский...

А маленький Петя сейчас позвал свою маму и спросил:

— Мама, я тоже русский или еще кто?

Мама ему сказала, что он тоже русский. Но его все-таки назначили в фашисты. Он стал плакать, опять пришла его мама, он тогда подумал, что она за него защитится, и ударил Володю Чувлева. Володя стал плакать. Прибежали еще взрослые, стали ему говорить:

— Ничего, до свадьбы заживет.

А он кричал:

— Не-е-ет, не заживет!..

Но потом все-таки успели поиграть в войну.

Дома я опять плакал, не знаю уже — чего. Да! Бабушка, я тебе опять забыл тот раз сказать, что папа и мама кланяются. Так ты уж считай, что они всегда кланяются. Как я пишу, так они кланяются. Ну, все.

Юрик

VII

Бабушка, я опять ведь был на елке: у Коли Гусева — это мой товарищ по классу. У него были сразу елка и день

рождения. Я ему тоже принес подарок—мыло, которое еловая шишка, и потом другое мыло, как заяц.

Я принес и сказал:

— Закрой глаза, я тебе сейчас подарю одну вещь, только ты ею не мойся!

А взрослые почему-то стали смеяться.

И Коля закричал:

— Знаю: мыло, мыло!

У Коли тоже было хорошо. Там был один мальчик, подстриженный налысо, так он говорит с буквою «ч». Он говорит:

— Я живу на Чверской. Чише, чише, поезд может упасть!.. Чвердое яблоко...

Мы все очень завидовали этому мальчику. Мы пробовали так говорить, как он,— не выходит. Два раза скажешь правильно, а потом опять говоришь с буквою «т»...

У Гусевых целых три кошки: одна — Машка, другая — не Машка, а третья черная.

И потом с елки упала свеча—со всем: с огнем и с каплями. И попала на одну девочку. Девочка испугалась, а потом ничего, играла, как все, и кричала:

— Кто меня поймает, того я буду чья!..

Дома я никак не мог заснуть, и мама мне больше не велела ходить на елки. Меня звали к Ирочке Клименковой на елку, но я не пошел. Катаюсь на дворе. Горка стала совсем большой.

Мама мне сейчас говорит, чтобы я не забыл тебе написать, что она тебе кланяется и папа кланяется. Но я сказал, что я тебе велел всегда считать, что они кланяются. Ну, до свиданья, бабушка. Приезжай к нам, я тебе покажу парашют и книжку про Буденного.

ЮРИК

Доставил в редакцию В. АРДОВ

КОГДА МЫ ПРАЗДНУЕМ

Стойка с жареной птицей выглядит алетитнее прочих,
Возле нее стоишь очарованный, вспоминая обложки сказок.

Куры, лежащие вверх ногами, лоснящиеся гуси
На белых наклонных блюдах с застывшими каплями жира.

Мы вспоминали сказку о скатерти-самобранке,
Пока продавец орудовал длинным вибрирующим ножом.

Потом нам протягивали бутылки, и мы их рассматривали,
Поворачивая перед глазами и советуясь между собой.

Праздник — это хорошо, но канун праздника — лучше,
Когда праздник еще не начался, а только его предвкушаешь.

На улице идет снег, и хотя город шумит,
От этого опускающегося снега создается впечатление тишины.

Мы переходим улицу под розовой форточкой светофора —
Транспорт дрожит от нетерпенья, особенно мотоциклист.

Он притаился в коридоре между двумя автобусами,
Он содрогается и фыркает, негодуя по поводу задержки.

В поэтическом переулке со светящимися окнами
К нам присоединились остальные, и мы вошли в дом.

В маленькой советской квартире, в которой, едва войдешь,
Тотчас показывают ванну и поворачивают газовый кран,

В доме советских людей, веселых и трудолюбивых,
Состоялась встреча нового года, первого года третьей пятилетки.

Раздавались тосты, и перед умственным взором
Плыла голубая льдина, блестели штывки границы.

В новых школах горели треугольные елки.

Самолеты спокойно пересекали материк.

Мы люди с чистой совестью в самом большом смысле —
И каждый праздник у нас есть настоящий праздник!

Чистая совесть людей — граждан страны, в которой
Нет власти человека над человеком и не эксплуатируется труд!

Если советские люди переживают радость,
То это — полное переживание, не испорченное ничем!

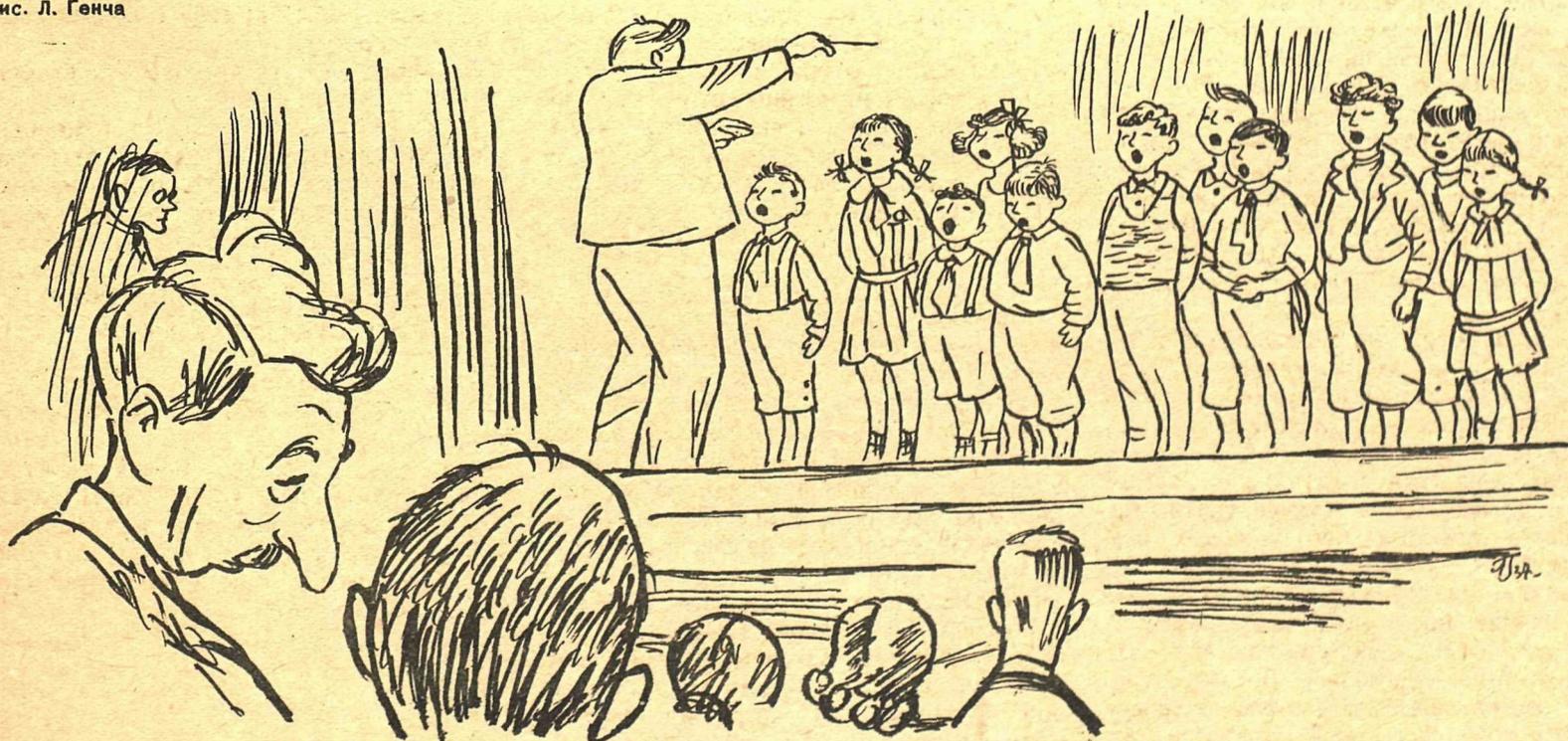
Иногда даже недостаточно мы ощущаем, что это значит,
Насколько это звучит гордо: советский человек!

Все приглашены на праздник, и когда мы пируем,
Под нашими окнами голодный никто не стоит.

ЮРИЙ ОЛЕША

ТОНКИЙ ЗНАТОК

Рис. Л. Генча

Плохо он дирижирует этим детским хором: басов совсем не слышно!

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РАССКАЗ

Скажем прямо: рождественский рассказ не принадлежит к числу литературных жанров, излюбленных советским читателем. Развитие рождественского рассказа идет несколько в стороне от нашей литературы.

Когда-то, до мировой войны, рождественско-новогодний рассказ писали так:

«Мороз крепчал.

Короткие сумерки сгустились в ранний зимний вечер. Шел снег, и облака, плотно обложившие небо, как бы хотели оттянуть ту минуту, когда первая увиденная людьми звезда возвестит, что уже родился тот, кто завещал нам любить друг друга, — ибо это был сочельник...

Люди торопились совершить необходимые покупки, дабы поскорее вернуться к семейному очагу и за рождественской трапезой вознести хвалу тому, кто даровал нам все то, что мы имеем в настоящей жизни, и который не оставит нас в нашем загробном существовании.

В это-то время маленький бездомный мальчик в худом платье, дрожа от холода, подошел к богатой витрине, за которой глаза его увидели множество вкусных вещей... Только тот, чьи пути неисповедимы, мог бы дать ребенку часть от этих вкусных яств, и потому мальчик мысленно молился тому, кто видит и слышит всякое дыхание на земле...

Вдруг мальчик услышал слабый писк. Нагнувшись, он увидел крошечного котеночка, которого с ним свел тот, в руке которого все пути и дороги. Мальчик положил озябшего зверька к себе за пазуху.

— Сиди здесь, котик! — сказал мальчик, и непрошенные слезы показались на его глазах.

Затем мальчик хотел отойти от витрины. Но внезапно он услышал голос. Бедный, но прилично одетый человек, которого, казалось, привел сюда тот, помимо желания которого не упадет и единый волос с головы, — этот человек сказал:

— Оба вы бездомны и сиры. Идемте же ко мне, в скромное мое жилище, и я накормлю вас во имя того, кто воздаст всем сторицею...

И непрошенные слезы показались на глазах бедного человека. И не успели эти слезы скатиться, как уже все трое услышали новый голос:

— Стойте! Все вы пойдете ко мне, потому что я богат. Я ростовщик и обычно обижаю людей, а сегодня я хочу послужить тому, кто...

И не успел еще богач договорить, кому тому хочет он послужить, как непрошенные слезы показались на его глазах.

И блоха, которая проникла в тесноте роскошного магазина с чьего-то тела под пышные одежды ростовщика, блоха, которая хотела было укусить этого богача, остановила свое жало и воскликнула:

— Так не буду же и я портить компании и не стану сегодня пить человеческую кровь во имя того... того, кто... того, который... Ну в общем вы сами знаете, о ком я говорю...

И все пошли на квартиру богача, где их ждал обильный ужин и где приготовлена была елка во имя того, который (см. выше)».

★

В годы мировой войны рождественские рассказы писались уже так:

«Мороз крепчал.

Подпоручик Леонид Аполлонович Берсенев надел свою скромную, солдатского сукна, но изящную шинель, прицепил шапку и вышел из халупы. Мягкий снег лежал на окопах. Высоко в синем небе горела первая звезда...

— Сочельник наступил... — тихо прошептал Берсенев, и непрошенные слезы показались на его глазах при мысли о семье, оставшейся там, в имении в Тамбовской губернии, и особенно когда поручик представил себе молодую княжну Лидию Брозоровскую, свою соседку по имению.

— С праздничком, ваше благородие! — обратился к подпоручику часовой Сидоренко.

— И тебя также, братец, — нежно ответил подпоручик.

На глаза офицера и солдата одновременно навернулись непрошенные слезы...

Но что это?.. Над германскими окопами высоко взлетела ракета. И как бы в ответ ей затрещали пулеметы.

— Ишь, нехристи, — прошептал Сидоренко, — в такой день атаку зачинают!..

— Так вперед же! — воскликнул подпоручик Берсенев и повел в бой свой взвод с такою поспешностью, что даже слезы не успели навернуться ни на его глаза, ни на глаза солдат его взвода...

Под утро, отразив немецкую атаку, подпоручик Берсенев сидел подле умиравшего рядового Сидоренко. Рядом во множестве валялись трупы немецких солдат. Ординарец полкового штаба вручил подпоручику конверт:

— Вам письмо, подпоручик!

Вспыхнув, Леонид Аполлонович узнал почерк княжны Лидии. На глазах его показались слезы, которые и на сей раз, как всегда, были непрошенными.

Где-то в тылу послышался благовест чудом уцелевшей церкви. Мороз в свою очередь крепчал...»

★

Наконец, в наши дни (но не у нас, конечно) рождественский рассказ пишется так:

«— Все ли готово к сегодняшнему ужину, мой добрый Герман? — ласково спросила фрау фон Фляжке своего дворецкого.

Старый Герман опустил морщинистый подбородок на блестящие галуны воротника своей ливреи:

— О да, гнэдиге фрау. Все готово. И разве бы я осмелился не приготовить все, как следует, к ужину в сочельник, гнэдиге фрау?..

— Вот и хорошо. Какова погода, Герман?

— Мороз крепчает, гнэдиге фрау. В такую погоду хороший хозяин не выгонит и собаки, гнэдиге фрау...

— Собаку и я не выгону, Герман. Но если бы в моем замке оказался неариец... О, тогда я не посмотрела бы ни на что! У нас нет неарийцев, Герман?

— Откуда же, гнэдиге фрау?.. Даже групповой портрет нескольких евреев — под названием «Тайная вечеря» — вынесли из вашей галереи, гнэдиге фрау, еще летом. Наш замок вполне чист, гнэдиге фрау... Хотя...

Старый Герман испуганно икнул и помахал перед своим носом руками, как человек, который что-то вспомнил.

— Что — хотя, Герман?

— Маленький грум молодой госпожи... Али... Он...

— Что — он?!

— Будучи негритенком, маленький Али тем самым является неарийцем.

— Так и знала!.. Не даром я спросила у вас: все ли готово?

— Как прикажете поступить, гнэдиге фрау? Изолировать маленького неарийца?

— Он еще спрашивает! Вон! Вон этого мерзавца!.. Сколько ему лет?

— 10 или 12, гнэдиге фрау.

— И с таких лет он уже неариец! Сейчас же выгнать!..

Добрая фрау фон Фляжке, глубоко расстроенная и оскорбленная в своем религиозном чувстве, стала подниматься по лестнице в свой будуар. А старый Герман быстро разыскал негритенка в обширной кухне замка и, положив ему руку на плечо, сказал:

— Давайте не будем!.. Давайте покинем замок! Давайте, давайте!..

...Через 20 минут маленький неариец, отойдя от замка на некотором расстоянии, завистливо смотрел через окна залы, как сажались ужинать белые господа. Он видел, как старый Герман подошел к хозяйке и как фрау фон Фляжке что-то ему сказала. Она сказала:

— Наконец-то мы очистили наш дом от неарийцев. Особенно хорошо, что это вышло в сочельник...

Но этих слов маленький чернокожий не мог слышать: было чересчур далеко, мешали двойные стекла, и к тому же негр уже отморожил уши. Не принадлежа к северной расе, он плохо переносил холод.

А мороз крепчал.

ИВАН ДИТЯ

В РАБОЧИХ КВАРТАЛАХ БЕРЛИНА

Рис. А. Каневского

Дед мороз: — Ну и температурка в этих квартирах! Замерз как собака.

КОЧУЮЩАЯ „МАРКИЗА“

Фармацевт Ольга Семеновна, которую сослуживцы за седые волосы и молодое лицо звали «маркизой», раза три в год меняла свою комнату.

Казалось бы, осев на двенадцати метрах в каменном доме с центральным отоплением, со всеми удобствами, только без телефона, можно было уюмониться. Но нет. Месяца через четыре беспокойная «маркиза» уже снова стояла перед окошечком в отделе объявлений вечерней газеты с объявлением в руках, написанным в классическом объявленческом стиле:

«Мен. 12 метров кам. доме все удоб. на равноц. обяз. личн. тел. Можно дерев.».

Мена происходила. Ольга Семеновна переезжала в уютный деревянный особнячок, в прелестную комнату с личным телефоном и личными клопами, чтобы через полгода опять уведомить читателей вечерней газеты, что она, Ольга Семеновна, меняет прекр. ком. 15 м. все удоб. личн. тел. в дер. дом на меньшую пл. в кам. доме.

Знакомым кочующая «маркиза» объясняла свою непоседливость так:

— Я ищу идеальную жилую площадь. И я ее найду!

Все понимали, что тут дело не в жилищном идеале, но в чем именно, никто догадаться не мог.

Новый год Ольга Семеновна встретила у своих знакомых Градусовых. Как это часто бывает, договаривались о встрече вскладчину «только свои», а потом набежало много совершенно незнакомого народу. Когда заворковал, томно пришепетывая и вздыхая, прославленный хозяйский патефон, неведомые молодые люди с великолепными проборами быстро отгеснили и смяли «только своих» и в одно мгновение расхватили самых хорошеньких танцующих девушек.

Было весело и, во всяком случае, шумно.

После танцев жена Градусова — Валерия Леопольдовна — вышла на середину комнаты, хлопнула в ладоши и сказала:

— Граждане, я предлагаю, по старому обычаю, погадать! Для развлечения, конечно, а не для суеверия.

Домашняя работница Градусовых, пожилая Авдотья, смущенно хихикая, принесла из кухни таз с водой и большой кусок воска. Стали топить воск, а потом по тени от расплавленной массы на стене Ольга Семеновна, избранная пророчицей, предсказывала каждому его будущее. На стене будущее у всех почему-то выглядело как нечто верблюдообразное.

С первым верблюдом, двугорбым, доставшимся самому Градусову, Ольга Семеновна кое-как справилась, сказав, что хозяина дома ожидает командировка в Узбекистан. Второй скачущий верблюд, одногорбый, выпал на долю молодого человека с пробором по середине головы и заставил Ольгу Семеновну слегка смутиться. Чтобы помочь ей, Валерия Леопольдовна стала бурно уверять, что на стене получился не верблюд, а человек в чалме.

— Это — одно и то же, — нашлась, наконец, пророчица, — чалма, верблюд — все равно вам тоже придется ехать в командировку. В Туркменистан.

— Теперь на меня погадайте, — потребовала Авдотья, явившаяся из кухни якобы по делу к хозяйке.

Растопили воск, бросили в таз с водой, посмотрели на тень.

— Опять верблюд, — закричал Костя, сын Градусовых.

— А мне кажется, что это скорее собака, — заметил Градусов. — Я могу вам предсказать будущее, Авдотья. Пока вы здесь гадаете, Джек на кухне сожрал заливного поросенка. Вас ожидают неприятности от Валерии Леопольдовны.

— Но это же явный все-таки верблюд, папа! — волновался Костя, хотя Авдотья уже ушла. — Вот его горбы, видишь? Чистокровный корабль пустыни! Неужели Авдотья тоже поедет в командировку в Узбекистан, Ольга Семеновна?

— Может быть, — сухо сказала «маркиза», вставая. — Давайте бросим, товарищи. Выходят сплошные верблюды. Ужасно неинтересно. Кстати, уже без четверти двенадцать.

Когда ужин был в зените, а гости еще не потеряли способность слушать тосты и спичи, слово взял известный своим красноречием член коллегии защитников Раневич.

— Граждане, — сказал он и так громко постучал вилок

о тарелку, что у хозяйки дома от страха за посуду перекошилось лицо. — Я предлагаю выпить за личное счастье. Перестаньте на одну минутку жевать: я объясню свой тост.

— Граждане, — продолжал Раневич, — только что мы поздравили друг друга с новым счастьем. Что мы имели при этом в виду? Я не беру этот э-э-э... вопрос в социальном, так сказать, разрезе. Наше общее счастье — это счастье нашей родины. Но, граждане, ведь есть еще и личное, я бы сказал, глубоко интимное, счастье, представление о котором у каждого из нас разное. Я хочу предложить тост за это личное счастье, но предварительно позвольте мне провести небольшую, так сказать, анкету. Начнем с хозяйки дома. Валерия Леопольдовна, как вы представляете себе свое личное счастье в наступившем году?

Валерия Леопольдовна улыбнулась и пожала плечами:

— Ей богу, не знаю. Ну, чтобы все было хорошо в доме.

— Конкретнее, Валерия Леопольдовна. Ну что вы больше всего желаете для себя в новом году?

— Больше всего желаю? Гм... Я больше всего желаю, чтобы Костя перешел в седьмой класс со всеми «хорами». Слышишь, Костя?

— Ну вот, — сказал Раневич. — Представление Валерии Леопольдовны о личном счастье мы выяснили. Пойдем дальше. Как вы себе представляете личное счастье, Раиса Сергеевна?

Полная блондинка с удивленными глазами, соседка Раневича, слегка покраснела и ответила:

— Что может хотеть певица? Иметь успех на концертах!

— Илья Осипович, — закричал Костя, — запишите там, что я хочу, чтобы папа подарил мне горные лыжи!

— Записано, — бодро сказал Раневич и обратился к Ольге Семеновне. — Разрешите узнать ваше представление о личном счастье?

— Я буду счастлива, если поменяю свои десять метров в каменном доме с голландским отоплением на равноценную площадь с центральным отоплением.

Все засмеялись. Но вдруг в конце стола поднялся незнакомый Ольге Семеновне пожилой мужчина с приятным, добродушным лицом и спросил:

— Сколько?

— Что сколько, простите?

— Сколько у вас метров, я не расслышал.

— Десять метров, — сказала Ольга Семеновна, не обращая внимания на протестующие жесты Раневича. — Все удобства, но отопление голландское. Оплачу расходы.

— Меняю. Даю восемь метров, центральное отопление.

— Ради бога, подсаживайтесь ко мне, — закричала через весь стол Ольга Семеновна. — Граждане, пропустите товарища. Анечка, подвинься, ради бога!

Тост Раневича Ольга Семеновна и пожилой мужчина с приятным лицом, оказавшийся доктором Филенкиным Платоном Платоновичем, из Скорой помощи, так и не слышали. До конца ужина они говорили об обмене. Только и раздавалось:

— А дна у вас изолированная? А квартира малонаселенная? А певиц в квартире нет?

Домой Ольга Семеновна пошла вместе с доктором Филенкиным. А через две недели они вдвоем стояли в очереди у окошечка в отделе объявлений вечерней газеты и Ольга Семеновна, играя красивыми глазами, говорила:

— Посмотри, Платоша, так ли я написала объявление: «Меняю две комн. разн. районах 8 м. и 10 м. с удоб. на 2 смежных с удоб. Оплатим расходы».

Вечером, когда молодожены пили чай в комнате Ольги Семеновны, фармацевт сказала мужу:

— Найдем две хороших смежных комнаты, поменяемся и заживем на славу.

— Ты же снова захочешь меняться, — усмехнулся доктор. — Про тебя Градусовы говорят, что ты страшная непоседа.

— Не захочу, — сказала Ольга Семеновна. — Ведь когда я раньше менялась, я на что надеялась? Я надеялась, что встречусь случайно в одном доме с пожилым симпатичным холостяком или там со вдовцом, лучше всего доктором, но возможны варианты. А теперь зачем мне меняться?

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Рис. Н. Ротова

— Чоррт!.. Когда же этот автобус... этово... поедет?

ВИТЯЗЬ В ХОРЬКОВОЙ ШУБЕ

Заведующий отделом культуры и искусств подходил к редакторскому кабинету на цыпочках. За дверью булькала наливаемая в стакан вода, оглушительно хлопала ящики стола, то и дело дребезжал телефон. Уже в коридоре явственно пахло грозой.

Редактор «Культуры и колоратуры» встретил своего сотрудника грозно и величественно:

— Вы знаете, что у нас будет послезавтра?

— Не знаю,— робко ответил завоткис.

— А кто должен знать? Я? Вы скажите: я веду отделом культуры или вы? Или, может быть, курьер должен знать, что послезавтра у нас юбилей великого писателя? Понимаете — писателя, гениального певца, который...

Почувствовав, что от волнения он заговорил фразами будущей передовой, редактор перевел дух, сел и жестом пригласил завоткиса ознакомиться с настольным календарем.

Вернувшись к себе, завоткис шатаясь подошел к телефону и лихорадочно начал звонить ко всем известным критикам, поэтам, писателям и даже в наиболее дружественные редакции. Все было безрезультатно: литераторы готовились к пленумам и выступлениям, в газетах положение было не лучше чем в редакции «Культуры и колоратуры». Только в «Вечернем звоне» секретарь отвечал плаксивым голосом, который не внушал доверия, и было ясно, что там кое-что раздобыли, но делиться не хотят. Завоткис уронил голову на руки и пребывал в состоянии полнейшей отреченности почти час.

В таком положении и застал его репортер Энель, или попросту Никанор Лютиков.

— Возлежите, как древний патриций? — жизнерадостно констатировал он. — Ба, да вы печальны, как молодая вдова. Ну, выкладывайте, какие у вас горести.

Грустный рассказ завоткиса против ожидания несколько не взволновал Энеля.

— Только и всего? Это же пара пустяков!

С этими словами Энель достал из ящика стола гротеск, в котором у него были записаны телефоны; выписав на бумажку несколько номеров, он протянул ее завоткису.

— Нат! Молитесь за меня, ставьте мне памятник! Вот по этому телефону вызовите Грига, Бернарда Архиповича — он вам сорганизует любые документы и статьи. По этому номеру свяжитесь с братьями Артуром и Максом Семеновичами Пузанковыми насчет рисунков и фото. А здесь вам позовут поэта Евгения Филимонова — он пишет стихи только о стихах и юбилеях...

Через час в редакторском кабинете сидел дородный румяный мужчина в семицветном кашне и распахнутой хорьковой шубе. Его ласковый и выразительный бас, его свободные манеры совершенно покорили руководящий состав редакции.

— Значит, статья с упоминанием неизвестных документов будет? — льстиво заглядывая в глаза гостю, спрашивал секретарь. — И отрывки будут? И новый перевод?..

Мужчина в хорьковой шубе снисходительно улыбался и утвердительно кивал.

— А вы помните, Бернард Архипович, — вмешался редактор, — что мы сдаем набор сегодня в десять часов?..

— Помню! Будет раньше...

Пожав всем руки, Григ степенно поднялся, старательно повязал шарф и вышел. Завоткис посмотрел на редактора лучистыми глазами и хотел что-то сказать, но в этот момент распахнулась дверь. В кабинет впрорхнул очень молодой человек, по странному совпадению тоже в хорьковой шубе, но на этот раз в шарфе двенадцати тонов.

— Здравствуй! Редактор? Нет? Вы? Рад, очень рад! Евгений Филимонов!! Поэт!! 30 рублей!!! — скороговоркой выпалил он.

— Что — 30 рублей? — ошеломленно переспросил редактор.

— За строчку! Гонорар!! Скорее, я спешу! Про кого? Когда? Сколько?..

— Простите, пожалуйста, а что вы можете нам предложить? — робко осведомился секретарь.

— Как что? Любые стихи! Юбилейные! В каком угодно плане! Лирико-осовременивающие с упоминанием героев! Восторженно-биографические без упоминания! Социально-анализирующие!..

— Простите, — еще более почтительно перебил его секретарь — вы не смогли бы нам показать кое-что из ваших предыдущих работ?

— Пожалуйста! — поэт вытащил из кармана объемистый сверток и принял скульптурную позу. — Я прочту отрывок из биографической поэмы к юбилею М. Ю. Лермонтова:

«В начале девятнадцатого века,
В имение бабушки, которая была
Уже довольно старым человеком,
Поэта юность буйная прошла.
Ты жил тогда мальчишкой незаметным,
Гоня собак, как всюду молодежь,
Кто мог бы знать, что станешь ты
корнетом,
Что будешь замечательным поэтом
И от руки марьяновской падешь?..»

СТЕКЛОНАДУВАТЕЛИ

Общезвестно, что в стекольной промышленности существует такая профессия — стеклодувы. А теперь можно установить, что в стекольной промышленности встречаются еще стеклонадуватели. Просим не путать с честными стеклодувами. К числу стеклонадувателей прежде всего нужно отнести руководство стекольного завода «Пролетарий» (станция Несветевичево, Донецкой ж. д.). Руководители этого завода давали в московских газетах рекламу о том, что завод выпускает в большом количестве бемское оконное стекло всех толщин и размеров. На специально оборудованных машинах производит утолщенное стекло и т. д.

Именно на основании этого объявления Куйбышевский швейтрест запросил: не может ли стекольный завод «Пролетарий» принять заказ на изготовление оконного двойного бемского стекла по определенным размерам. Вот тут-то и выступили стеклонадуватели, стоящие во главе завода. В нашем распоряжении имеется на бланке завода написанная бумага, которая гласит:

«Крайшвейтресту
г. Куйбышев»

Подтверждаем получение вашего письма по вопросу принятия В/заказа

на стекла, сообщаем Вам, что мы заказ Ваш сможем принять франко-склад с условием получить от Вас или как техпомощь спечовкой брюки рубахи, костюмы, рукавицы и плащи брезентовые, если у Вас это имеется. Отпустить за деньги не можем. Ждем Вашего ответа.

Нач. Снабсбыта (подпись)».

Так сказать: вы — для нас, мы — для вас. А насчет нормальной торговли, это — ах, оставьте!

Но на этом деятельность руководителей завода в области стеклонадувательства не окончилась.

Когда Крокодил получил вышеприведенную бумагу, то об этом было запрошено Главное управление стекольной промышленности. И вот что написали стеклонадуватели в свой собственный гласк:

«1. Никакой переписки с Куйбышевским гострестом швейной промышленности по вопросу обменных операций мы не вели, т. к. в этом нет необходимости, учитывая, что мануфактуру и готовую спецодежду мы получаем непосредственно по фондам н/отд. снабжения «Главстекло» или его кон-

торы, также заготавливаем децентрализованным порядком в районах н/области через «Укрснаб».

2. Приобретение вырабатываемых н/заводом продукции: оконное полированное стекло (всех видов и размеров) также изделия ширпотреба Госшвейтрест, г. Куйбышев, может осуществиться на месте через Куйбышевскую торгбазу «Главстекло», которая находится в гор. Куйбышеве, откуда обращаться по вопросу приобретения н/продукции на н/завод непосредственно не было надобности».

Так сказать «я не я и лошадь не моя». Стеклонадувательство продолжается.

В заключение отметим трогательную детскую доверчивость Главного управления стекольной промышленности. Главному управлению сообщают, что в его системе занимаются товарообменом. Главное управление запрашивает виновных и сразу удовлетворяется ответом опытных стеклонадувателей:

— Мы? Товарообменом? Да ни в жизнь! Да разве мы?!

Фамилия зам. нач. отдела сбыта Главстекло, который прислал нам успокоительный ответ завода, — Турбуинер. Так и запомним.

— Хватит, очень хорошо! — воскликнул секретарь. — А что-нибудь лирическое у вас есть?..

— Лирико-осовременивающее? Сколько угодно! Вот я делал к пушкинскому юбилею:

«Писал ты: дети прибежали,
Взывая к старому отцу,
И рыбака смотреть позвали
В глаза бедняге-мертвецу.
Когда б ты знал, какие дети
Бегут теперь, зовя отца,
Ты понял бы, что наши сети
Не притащили б мертвеца
И что колхозные баркасы
Ведет отец без лишних слов,
Что рыбаки не точат лясы
И что в сетях тройной улов...»

— Ну как?! Годится? Так я вам сделаю! Через час пришлите курьера...

И, не дав опомниться восхищенным слушателям, поэт Е. Филимонов побежал к дверям.

Братья Артур и Макс Семеновичи явились позже всех, но зато они пришли уже с готовым товаром. Пока Артур живописно располагал на большом редакторском столе фотографии, репродукции и рисунки, Макс давал пояснения:

— Здесь, — говорил он, указывая на снимок, изображающий обыкновенный глиняный горшок, — изображена амфора, относящаяся к периоду расцвета творческой деятельности юбиляра. По слухам, в селении, где жил поэт, такие сосуды были. А здесь художник того времени пытался отобразить скачущую лошадь. Поскольку в строфах юбиляра неоднократно упоминается это животное, есть основание предполагать, что рисунок является иллюстрацией к одному из ранних изданий... Тут, как видите, в густом полумраке спиной к нам сидит пишущий человек. Это редкий портрет гениального юбиляра...

Секретарь облегченно вздохнул: номер обещал быть богато иллюстрированным. К вечеру весь материал был послан в типографию. Энергичные мужчины в хорьковых шубах, все, как один, сдержали свои обещания. Они приносили продукцию, получали немедленный расчет по тройной расценке и удалялись. Завоткис ликовал.

А в день юбилея номер газеты «Культура и колоратура» играл всеми красками. Правда, в «Вечернем звоне», на третьей странице, почему-то красовался тот самый горшок, про фотографию которого Артур и Макс говорили, что она единственная и чудом попала к ним в руки. Неприятно поразило секретаря и то, что при несложной перестановке абзацев передовая из «Красной пристани» слово в слово повторяла опус, который, по уверениям автора, только для «Культуры и колоратуры» сочинил Бернард Архипович. Кроме того «неизданные документы», которыми оперировал Григ, были случайно обнаружены на листке прошлогоднего отрывного календаря. Один Е. Филимонов не стал повторяться и дал во все газеты разные стишки.

Но все это были мелочи, которые были бессильны омрачить радужное настроение сотрудников редакции.

Фотомонтаж Б. Клинка

— С Новым годом, господа!

Энель был премирован портсигаром, а список телефонов Грига, Филимонова, братьев Артура и Макса был вывешен над столом завоткиса.

* * *

К чему скрывать, этот рассказ мы написали с профилактическими целями. Пусть он будет некоторым предостережением, так сказать, сигналом опасно-

сти. Стоит только приблизиться какому-нибудь литературному юбилею — и они уже бродят вокруг редакции, эти рыцари наживы, эти витязи в хорьковых шубах. И кое-где их принимают с распростертыми объятиями, их даже зовут. А звать их не надо. Наоборот, их надо гнать.

А. РАСКИН и М. СЛОБОДСКОЙ

СРЕДИ РЫБОЛОВОВ ФРАНЦИИ

Рис. Ю. Ганфа

Обыски и аресты в связи с фашистским заговором во Франции «благотворно» действуют на некоторых «кагуляров». Повсюду находят оружие и военные материалы, от которых они спешат отделаться.

(Из газет)

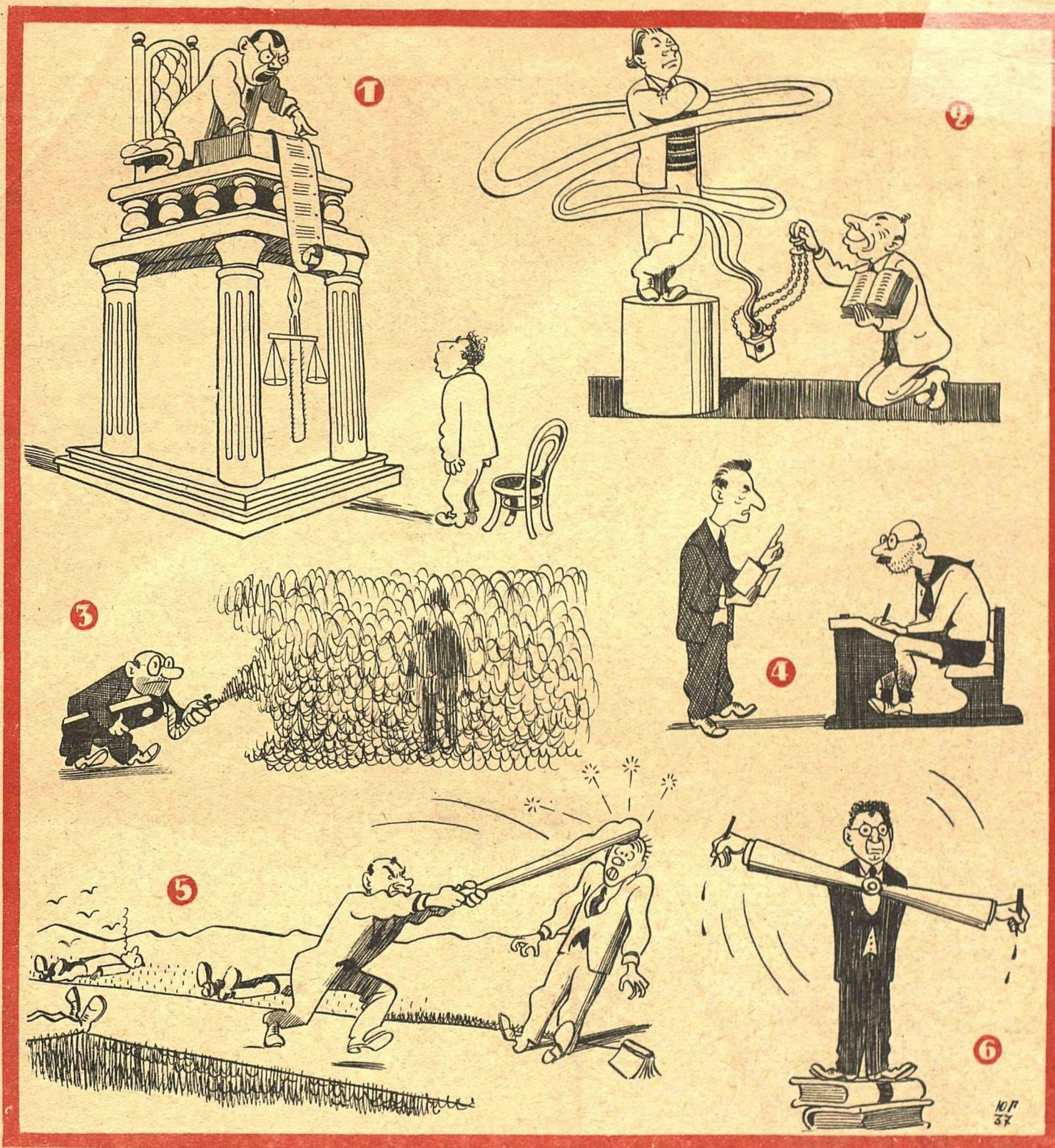

— Все мелочь попадается... Вот мой сосед, мсье Франсуа, тот уже третью митральезу выудил...

КРИТИЧЕСКИЙ ТИПАЖ

Рис. Ю. Ганфа

Наш художник Ю. Ганф, изучив критическую литературно-театральную флору и фауну, показывает в своем «Обзрении» распространенные виды критиков, неспособных честно, по-большевистски выразить взгляды передового советского читателя.

1. Критик типа «Грозный судия». Судит не о произведениях, а судит авторов произведений. Одним, не найдя у них состава преступления, выносит оправдательные рецензии. Других безапелляционно осуждает. Хотя бы всю критику реорганизовать в некое судебное-критическое ведомство, в каковом он бы сам занял пост председателя высшей литературно-кассационной коллегии в составе лирико-поэтического и прозаико-очеркистского присутствий.

2. Критик типа «Курильщик фимиама». Выбрав себе одного писателя, кадит перед ним фимиам до тех пор, пока у жертвы не закружится голова и она, жертва, не вообразит себя гением. При этом «курильщик» ухитряется оставаться «в рядах» и после падения замороченного им «гения». А кадить начинает следующему.

3. Этот критик тоже кадит, но не фимиамом, а дымом псевдоучености. Пишет, примерно, так: «Ассоциативная рефлексия автора модулирует образы в тенденцию гипертрофии...» Словом, всем известно, как пишет такой критик. Но понять, что хочет сказать он своей статейкой по поводу новой книжки или постановки, никто не может. Даже сам критик.

4. Здесь изображен критик поучающий. Писатели и режиссеры ему представляются школьниками в коротких штанишках, которых надо учить да учить.

— Сейчас мы займемся творческими вопросами, — бодро вещает поучающий критик, — пишите, детки-писатели: дважды два — четыре... Пишите: лучше писать хорошо, чем писать плохо... а кто пишет плохо, тот делает нехорошо...

5. Этот молодец всем хорошо знаком. В руках он сжимает знаменитую авербаховскую дубину. В свое время этот критик хорошо погулял с кистенем в дремучем раповском лесу, да и сейчас еще совершает нападения на одиноких, тихих писателей.

6. Этот критик примечателен особенным устройством своего творческо-критическо-писательского аппарата. Малейшее дуновение ветерка — и приходят в движение чуткие перья сверхчуткого критика, каковые (перья) всегда держатся по ветру. Спорит этот критик только с самим собою: его предыдущие отзывы о книгах непохожи на последующие. А с остальным миром критик старается жить в добром согласии.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ГДЕ ПАМЯТНИК?

На снимке памятник пламенному большевику, убитому черносотенцами в 1905 году, тов. Николаю Эрнестовичу Бауману. Несколько лет он простоял в столице Татарской республики, в Казани, на площади Куйбышева. В конце 1936 года этот памятник пропал. Жителей Казани справедливо волнуют три вопроса:

1. Куда девался памятник?
2. Кто убрал его с Куйбышевской площади?
3. Почему его не возвращают до сих пор на Куйбышевскую или любую другую площадь Казани?

На первые два вопроса мы можем дать самый исчерпывающий ответ: памятник находится в двух местах: верхняя часть туловища валяется на складе Гордорстроя, на Тукаевской улице, д. № 18, а остальная часть на другом конце города — на гордорстроевском складе, улица Баумана, д. № 16. Убрали памятник с площади враги народа, орудовавшие в городском совете, в горкомхозе и в Гордорстрое.

На третий вопрос мы, к сожалению, никакого ответа дать не можем. Просто непонятно, почему памятник не восстановлен.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ОГОВОРКОЙ

Итак, поздравляем наших читателей: фельдшер Власенко привлечен к уголовной ответственности. И поделом. Врио черниговского облпрокурора тов. Донченко подтверждает нам, что

«с первых дней работы Власенко проявил себя как алкоголик, на работу являлся в нетрезвом виде, не зная ее и не имея на это права, в результате чего искалечил трех малярийных больных».

Теперь, после того как он искалечил этих трех больных, зав. райздравотделом немедленно сняла Власенко с работы, с чем мы особенно поздравляем граждан села Чернеца Слобода, Смеловского района, которым дальнейшее пребывание на своем посту этого интересного фельдшера грозило бы неисчислимыми бедствиями.

Кабы не девичий стыд заведующей Смеловским райздравотделом, она бы сама заявила к местному прокурору и попросила бы привлечь ее к ответственности за то, что она без проверки допустила безграмотного пьянчугу к ответственнейшему делу врачевания. А за одно бы уже попросила, по тем же самым соображениям, привлечь к ответственности руководителей Черниговского облздравотдела, снабдивших Власенку авторитетной командировкой в район.

СЛУЧАЙ С ЧАРЛИ ЧАПЛИНЫМ

В «Харьковском рабочем» от 19 декабря помещено следующее сенсационное об'явление:

Кино АВТОМОТОКЛУБА

л. Свердлова, 44. Тел. 4-04-м.

Звуковой фильм

„Тайга золотая“

В гл. роли Чарли Чаплин.
На эстраде — диэзоркестр.

Скажем прямо, мы бы горячо приветствовали участие Чарли Чаплина в наших советских картинах, однако в советском звуковом фильме «Тайга золотая» главную роль исполняет не Чарли Чаплин. Мы готовы всячески приветствовать человека, который привлек бы знаменитого американского киноактера к участию в советских фильмах. В данном случае налицо бесспорное привлечение его в советскую кинокартину, но, к сожалению, не творческой киноорганизацией, а дирекцией кино Автомотоклуба и беспечной редакцией «Харьковского рабочего». За такое привлечение мы их никак приветствовать не можем.

ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ СВИНСТВО

Среди вымирающего племени самоснабженцев выделяется как некая звезда первой величины бывший секретарь Солонянского райкома КП(б)У М. И. Головаш. Этот Головаш — непревзойденный мастер по части получения премий. А какие это были премии и от кого, тому следуют пункты:

1. От директора Привольнянской МТС Смирницкого Головаш получил премию — 1 (одну) корову.
2. Был директор Незабудинского совхоза Котович «продал» тому же Головашу корову, но деньги за нее получить «забыл».
3. От председателя колхоза имени Ежова, некоего Танцюры Головаш же получил в премию охотничье ружье.
4. От Войсковского сельсовета — пианино и трюмо.
5. Кроме того по неисчислимой благодати своей оный Головаш в совхозе № 16 взял — а совхоз № 16 дал — корову еще и для персонального шофера Головаша.

Интересно, где сейчас находится перечисленный выше живой и мертвый инвентарь? Если у Головаша и его шофера, то инвентарь этот нужно немедленно забрать и вернуть государству. Интересно кроме того, где находятся сейчас премировавшие и премированные. Неужели не под судом?

ПРИВЕТ СОВЕТСКИМ ПАТРИОТАМ

Просто обидно, что наш журнал по специфике своей должен всегда заниматься вскрытием болячек, травлей бюрократов, жуликов, подхалимов, помпадуров и тому подобной дряни. Хочется хоть иногда помещать документы, которые свидетельствуют не о прязных или глупых и вредных поступках, а о высоких, величественных явлениях, происходящих в самых глубинах советского народа. Гордые за свой народ, за нашу замечательную родину, за нашу стальную, победоносную партию, за нашу непобедимую Красную армию, плоть от плоти советского народа, мы помещаем два «рядовых» документа, о свидетельствующих о высоком чувстве патриотизма.

В ЯДРИНСКИЙ ПРИЗЫВНОЙ ПУНКТ

Я, мать Иванова Аверкия Ивановича, Яковлева Дарья, радуюсь тем, что мой сын по состоянию здоровья годен в ряды нашей славной Рабоче-крестьянской Красной армии.

Но по семейно-имущественному положению он должен пользоваться льготой. Я от предоставления льготы Аверкию возражаю, исходя из того, что наш колхоз живет зажиточно и меня он будет обеспечивать.

В феврале сего года моего младшего сына убили сыновья бывших твердозаданцев. Аввакум погиб от руки классовых врагов.

В ответ на это я отказываюсь от льготы и прошу вас принять моего сына в ряды РККА и послать его на защиту нашей славной социалистической родины. Пусть мой сын Аверкий будет стоять на страже завоеваний Октября. Пусть он будет защищать нашу славную, цветущую родину от нападения врагов, как внутренних, так и внешних. Спасибо товарищу Сталину за счастливую жизнь.

С просьбой мать призванного Яковлева Дарья.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 42
ЗАСЕДАНИЯ ПРАВЛЕНИЯ КОЛХОЗА «КОМБАЙН»,
ЧЕБАКОВСКОГО СЕЛЬСОВЕТА,
ЯДРИНСКОГО РАЙОНА, ЧУВАШСКОЙ АССР.

Обеспечить семью Иванова, его мать и сестру, продуктами питания, топливом и др. и кормом для коровы на все время пребывания в рядах нашей славной Рабоче-крестьянской Красной армии.

КУЛЬТМИНУТКА

Рис. М. Черемных

— Одну минуточку, Иван Иваныч! Только забегу к попу, передам тещино приглашение, и сейчас же вместе с вами двинем на заседание культкомиссии.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Товарищ Крокодил!

На днях я с грустью отметил скромный, но не лишенный знаменательности юбилейчик: 14 месяцев со дня вручения мной кассиру томской фотографии Т. А. Ш. платы за групповой фотоснимок выпускников N-ского военного училища. Дельцы из фотографии любезно обещали мне немедленно выслать снимок к новому месту службы. Че-

рез 4 месяца после свершения этой скромной финансовой операции я написал забывчивым томским фотографам напоминание, но ни фотографии, ни ответа я не получил. Тогда я послал еще 3 напоминания — те же результаты. Я написал тогда в томскую прокуратуру — молчание. Послал письмо в тамошнюю газету «Красное знамя» — опять-таки молчание. Можно понять кое-как жу-

ликов из Т. А. Ш. Их расчет очень простой: не буду же я специально ездить с Дальнего Востока, чтобы добиться получения заказанного и оплаченного снимка. А вот что касается томского городского прокурора и редактора газеты «Красное знамя», то их тактика мне не совсем ясна: неужели они обыкновенные бюрократы, не понимающие того, что за маленьким, на

первый взгляд, фактом невысылки группового портрета — памяти об учебе — кроется большое хамство и неуважение к советскому гражданину?!

Лейтенант Ю. ТЕЛИЦЫН

Уважаемый товарищ Крокодил!

Ты, наверное, думаешь, что деньги по аккредитиву можно получить только по предъявлении паспорта? Если исключить Вольскую центральную сберкасса, то ты, безусловно, прав. Но что касается этой сберкассы, то в ней паспорт можно в иных случаях заменить колодой карт

Чтобы не быть голословным, подтверждаю свое заявление следующим фактом.

Не так давно некто И. И. Коновалов предъявил в нашу сберкасса аккредитив. Паспорта у Коновалова не было, и поэтому контролер в выплате денег по аккредитиву отказал.

Тогда Коновалов направился в кабинет заведующего сберкассой Котлова и два битых часа обучал его разным головокружительным карточным фокусам. Окончательно он поразил воображение Котлова, когда извлек из одной колоды карт 36 тузов. Потрясенный Котлов немедленно распорядился оплатить Коновалову аккредитив сполна.

Возможно, что с научной точки зрения можно объяснить это сочетание в персоне заведующего кассой Котлова: болезненная заинтересованность в карточных фокусах с полнейшим отсутствием интереса к его основной работе.

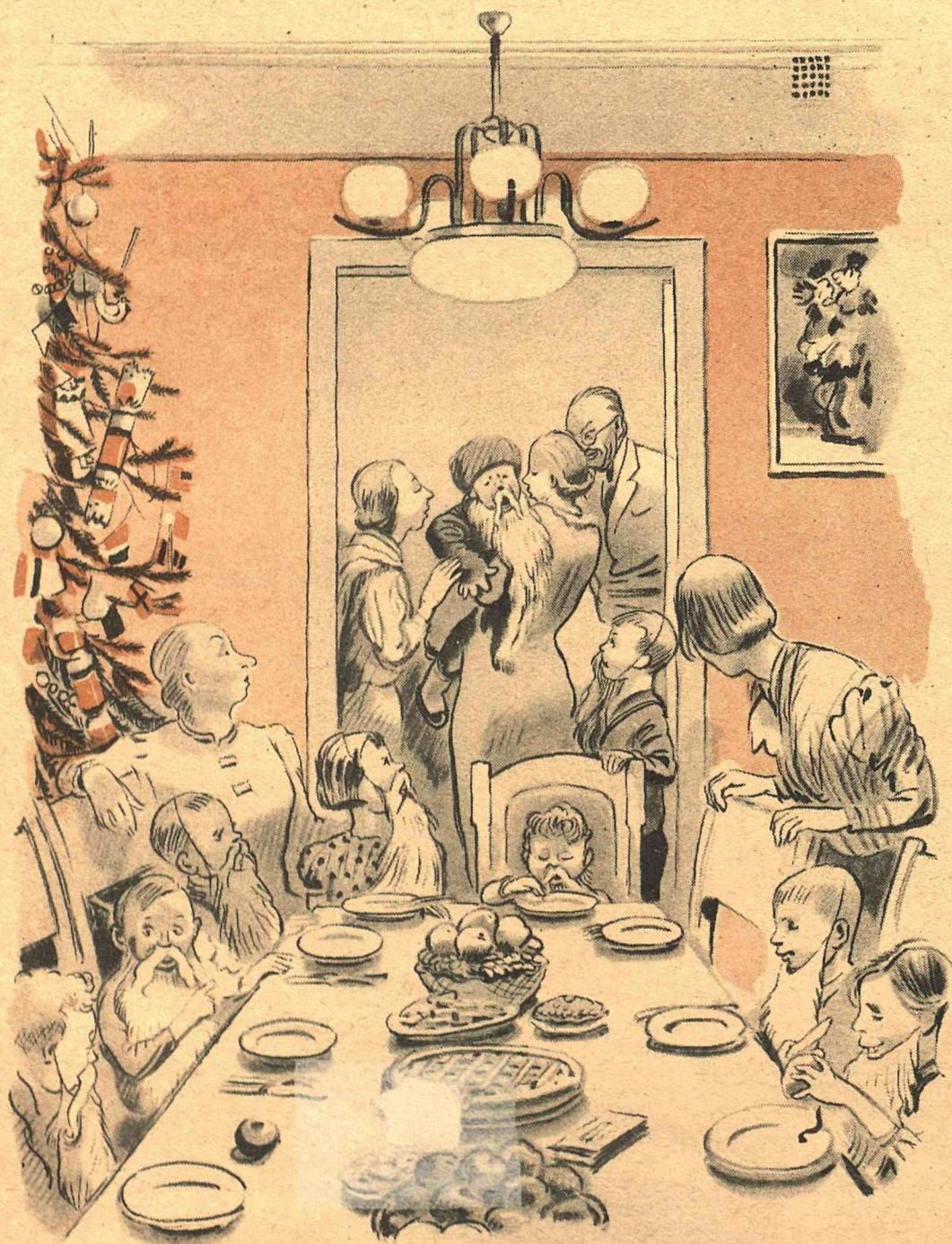
Может быть, из этого сочетания вытекает и его исключительная грубость с посетителями и редкая нелюбовь к самокритике. И уж, наверное, отсюда возник позорный прорыв в работе сберкассы. Но это уже вопрос научного порядка, а меня в данном случае больше всего волнует самая практическая проблема: вопрос (сохранения) укрепления финансовой дисциплины и оздоровления явно ненормальной обстановки, созданной Котловым в Вольской центральной сберегательной кассе.

Н. ШЕЛУХИН

Вольск, Саратовской области.

И Н Д И В И Д У А Л И С Т

Рис. К. Ротова

— Тут все деды-морозы, я та-а-ак не хочууууууу!..

Дорогой Крокодил!

Недавно наша МТС получила от помощника начальника омского областного земельного управления Новикова извещение о том, что для курсов трактористов и подготовки других колхозных кадров массовой квалификации при нашей МТС выделены две тетради, за которыми необходимо обратиться в райкультторг. В связи с этим документом, датированным 1 декабря 1937 года, у меня возникают, по крайней мере, три вопроса:

1. Стоит ли тратить сутки на поездку в наш районный центр, отстоящий от Медвежинской МТС на 35 километров, для того чтобы «выкупить» две тетради?
2. Как распределить эти две тетради между семьдесятю курсантами?
3. Как квалифицировать документ, полученный из облзупа: как бездушно-бюрократский или нарочито гонимый? Как твое мнение, этот счет, дорогой товарищ Крокодил?

Зав. курсами трактористов при Медвежинской МТС

А. ТОЛПЕКИН

Медвежинская МТС, Омской области

ОТ РЕДАКЦИИ. Скорее всего, тов. Толпекин и нач. омского облзупа, здесь налицо сознательное издевательство.

Дорогой Крокодил!

Наркомат совхозов РСФСР передал нашему зерносовхозу 400 голов крупного рогатого

скота. При этом нам было обещано, что в августе отпустят 20 вагонов лесу для постройки скотных дворов.

Чтобы мы были спокойны, — строительство скотных дворов включили в промфинплан.

Мы думали — дело в шляпе. Но... прошло несколько месяцев, и оказалось, что действительно дело в «шляпах», которые засели в Наркомате.

Ждали мы, когда же, наконец, придет лес, и не дождались. Решили приспособить для скота временные постройки. Так и сделали.

Но в Наркомате совхозов на нас взъелись:

— Как вы посмели произвести внеплановую затрату денег?

Мы в ответ:

— Скот нам передали? Передали. Лес отпустили? Нет!..

Что же нам делать?

— Ждать лес...

— Не...

кто разрешает.

— Дайте тогда лес, предусмотренный по плану.

— Мы про деньги...

— А мы про лес.

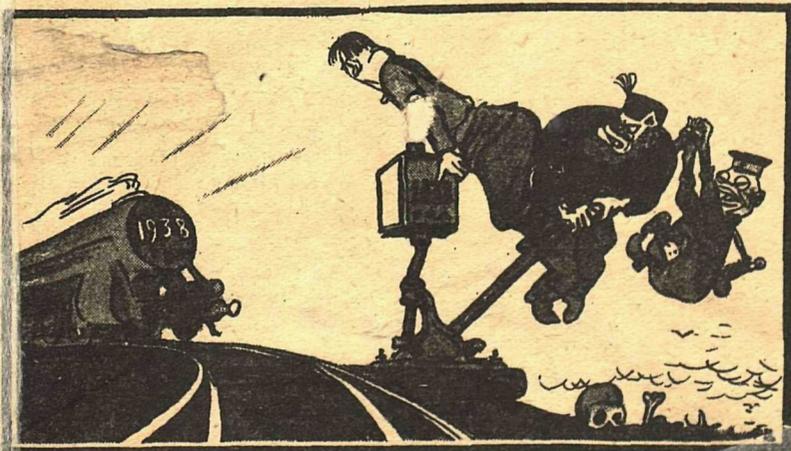
Где же выход, дорогой Крокодил?..

Есть у нас один выход — это через Крокодил заставить Управление совхозов Юга Наркомсовхозов РСФСР выполнять свои обязательства. Что и делаем.

Начальник политотдела Павловского зерносовхоза Краснодарского края П. Д. Шевцов.

ПОПЫТКА СРЕДНЕВЕКОВИЗАЦИИ МИРА

Рис. В. Багровникова

— А вот мы попробуем перевести 1938 год на пятьсот лет назад!..

— Ответственный секретарь партколлектива при ул. Комиссии партийного контроля по Таджикистану со постановлением районного партийного собрания и Таджикистана секретарь Ленинабадского городского комитета Вельчинский с работы снят (см. №№ 13 и 19 Крокодил).

— В заметке «Три справки и один вопрос», напечатанной Крокодила, сообщалось о том, что бывший председатель городского совета Шибанова была снята с работы, исключена из партии как перерожденка и виновница гибели семнадцати человек. Уже будучи снята с работы, Шибанова, по распоряжению уполномоченной Удмуртского Совпрофа Каменских, получила пособие «по нетрудоспособности» в размере 100% своей бывшей заработной платы. Удмуртский обком ВКП(б) пишет в редакцию Крокодила о том, что эти факты полностью подтвердились. Каменских с профсоюзной работы снята. Шибанова и Каменских привлечены к судебной ответственности.

— Руководство деревообделочной фабрики «Красный Октябрь» (г. Лубны) согласилось отпустить мебель своего производства Союзуглежспорту только в обмен на уголь. Об этом сообщалось в № 20 Крокодила. Прокурор Лубевского района проверил факты, изложенные в заметке «Фокус не удался». Факты подтвердились. Районный прокурор сообщает нам, что директор фабрики Маркин снят с работы и исключен из партии.

— В № 31 Крокодила была помещена заметка «Стильчик работы». В заметке сообщалось о бюрократизме зам. зав. дошкольным отделом К. В. Вераксо. Дошкольный отдел Наркомпроса сообщает нам, что Вераксо снята с работы как не справившаяся с возложенными на нее обязанностями.

— Уполномоченный Комиссии советского контроля по Ивановской области сообщает нам, что факты, о которых писали в Крокодил, полностью подтвердились. На Сарыевском канифольном заводе при директоре Брагинском орудовали вредители, растратчики, продукция завода уходила по канализационным трубам, из которой комсомольцы выловили 45 бочек мыла. В душе попадал каустик, который обжигал рабочих. Ломались локомобили, взрывались монжусы. За 1936 год завод понес 426 тысяч рублей убытку. Кроме работников завода привлечен к ответственности управляющий Вязниковским промкомбинатом Малеев.

— На Киевском вокзале, в Москве, орудовала шайка вредителей. Они создавали затруднения при покупке билетов. Несколько вокзальных кассиров были связаны с носильщиками, которые вымогали у пассажиров по 50—100 рублей за покупку билета. Были случаи, когда у касс топились пассажиры, а поезда уходили с 150 свободными местами. Бывшие руководители вокзала покрывали этих людей, вместе с ними пьянствовали и развораживали вокзальную кассу. Об этих фактах сообщили в редакцию Крокодила. Расследованием установлено, что среди носильщиков были бывшие белогвардейцы и воры. На вокзале работали жены немецких и японских шпионов. Сняты с работы и отданы под суд 39 человек.

— Президиум Евдокимовского райисполкома самовольно, в обход советских законов, установил для членов президиума уменьшенную на 50% квартирную плату. Об этом была помещена заметка в № 19 Крокодила под заголовком «Удобство от неудобств». Орджоникидзеvский крайисполком, проверив заметку, решение Евдокимовского райисполкома как незаконное отменил.

— В погоне за количеством отличников директор Балаклавской школы Никитин занялся очковтирательством. Крымский Наркомпрос, проверив заметку «Балаклавские отличники» (№ 19 Крокодила), сообщает редакции, что Никитин с работы снят.

— В Ростовский мединститут, как и в другие вузы, в этом году было подано много заявлений. Перед самым началом занятий подавшие заявления срочно вызывались из отдаленных городов и районов в Ростов для того лишь, чтобы объявить, что им отказано в приеме. После расследования материалов, поступивших в Крокодил, установлено, что подобное безобразие практиковалось бывшим директором института Гордашьяном, ныне разоблаченным врагом народа, с враждебной целью — дискредитировать советский вуз. Исполняющему обязанности директора института поручено выявить последствия вредительской работы Гордашьяна и добиться устранения имеющихся в вузе недостатков.

— Около года проработал в Ленинграде, на Лакокрасочном заводе, в качестве директора Волков. Программу завод из месяца в месяц не выполнял. С общественными организациями Волков не считался. Когда стенгазета «осмелилась» критиковать работу Волкова, он признал это политически не выдержанным. По материалам Крокодила, Волков с работы снят.

Редакция: ИХ. КОЛЬЦОВ, Л. АГИН, А. НАВАРОВ, Л. РОВНИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д-3-32-50; Д-3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 ч. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 1184

Сдача текста и рисунков 26/XII—37 г.

Подп. к печати 2/1 1938 г.

Статформа 72X105 см

Печ. л. 3. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита Б—31765. Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2815. Тираж 275 000 экз.

М2517

50

№ 13
 Сос. Кооп. Пала...
 Кот...

Получено	14/5	16/5
	14/5	14/5

А. М. М.

— Дедушка, подожди минутку: сбегаю к папе, попрошу, чтобы он тебя подвез на нашей машине.